

УДК 821.111–31К.09

М. С. Пшеничнаяаспирант кафедры истории зарубежной литературы
и классической филологии

Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

**ХУДОЖНИК КАК ПЕРСОНАЖ В РОМАНЕ ДЖ. М. КУТЗЕЕ
“THE MASTER OF PETERSBURG”**

В статье исследуется специфика образа главного героя романа южноафриканского писателя Дж.М. Кутзее “The Master of Petersburg”. Рассматриваются основные принципы построения образа главного героя, которые являются определяющим фактором в типологизации романа (по М. Бахтину).

Ключевые слова: герой-художник, двойственность, творчество, роман испытания, роман о художнике.

Постановка проблемы. Диалог с предшествующей литературной традицией весьма характерен для современной постмодернистской литературы, в которой довольно часто прослеживается рецептивное освоение творчества Ф.М. Достоевского. И роман южноафриканского писателя Дж.М. Кутзее “The Master of Petersburg” не является исключением.

Анализ последних исследований и публикаций. Существует немалое количество литературно-критических исследований, посвященных изучению романа “The Master of Petersburg” (1994 г.), которые условно группируются в соответствии с их общей направленностью. В первой группе работ анализируется проблематика романа, связанная с социально-политическим дискурсом ЮАР. Авторы данных исследований продолжают рассмотрение произведений Дж.М. Кутзее в контексте постколониальной критики (А. Беззубцев-Кондаков [1], Дж. Френк [2], М. Келли [3], Дж. Пойнер [4]). Вторую группу составляют труды, в которых изучается жанровое своеобразие романа (А. Беззубцев-Кондаков [1], А. Лагуновский [5], А. Кеба [6], В. Пригодич [7], Е. Струкова [8], А. Чащина [9]). Почти все исследователи анализировали интертекстуальное поле романа, воплощающее аллюзии и реминисценции из романов Ф.М. Достоевского, а также критическую рецепцию творчества русского писателя в западной художественно-эстетической мысли. К последней группе можно отнести исследования, в которых рассматривается система персонажей романа, акцентируется внимание на образе главного героя – Ф.М. Достоевском

(А. Андреадис [10], А. Беззубцев-Кондаков [1], А. Кеба [6], А. Лагуновский [5], Е. Струкова [8], Г. Соболевская [12], Д. Храмцев [13]). Однако литературоведы упускают из вида принцип построения образа главного героя, который выполняет жанрообразующую функцию, что и обуславливает актуальность нашего исследования.

Цель статьи. Основная цель нашей работы – изучить специфику образа главного героя-художника в романе Дж.М. Кутзее “The Master of Petersburg”.

Изложение основного материала. В соответствии с фабулой романа “The Master of Petersburg” главный герой – Ф.М. Достоевский – приезжает осенью 1869 года в Петербург, чтобы узнать причины гибели своего пасынка Павла, который, по словам судебного следователя, был связан с деятельностью Нечаева. Реальные исторические события Петербурга 1869 года (возврат из-за рубежа Сергея Нечаева и его руководство подпольной организацией «Народная расправа») смешиваются с вымышленными фактами в романе. Основную интригу романа составляют встречи героя-Достоевского с Нечаевым, а также двусмысленное отношение писателя к дочери хозяйки квартиры – Матрене. В романе Дж.М. Кутзее изображены события, которые легли в основу романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Таким образом, выделяется главный интертекстуальный источник романа “The Master of Petersburg”.

В романе Дж.М. Кутзее на первый план выдвигаются не столько внешние обстоятельства жизни Ф.М. Достоевского (сюжет романа

составляют встречи героя с Нечаевым и пару походов в полицейский участок), сколько его «внутренняя биография», душевные переживания героя-художника, вызванные неразрешимыми противоречиями между *человеком* и *художником*. События, произошедшие с героем-Достоевским в Петербурге 1869 года, создают условия для написания текста и влияют на идеи писателя. Поэтому жизнь героя-Достоевского представлена в романе как творение «нового мира» (художественного мира), поскольку герой, рефлексировав над событиями, сублимирует свои переживания и тайные страсти в творчество. В конце произведения главный герой начинает писать роман, сюжет которого строится не только и не столько на приключениях героя-Достоевского, а вытекает из его внутренних порывов и переживаний, вызванных происходящим. Е. Струкова считает, что герой-Достоевский начинает писать «роман в романе», – на страницах одного романа читатель наблюдает за появлением другого, создающегося у него на глазах – романа «Бесы» [8, с. 126]. Однако для романа в романе необходимо наличие двух повествовательных уровней: уровня разворачивания событий и уровня их комментирования. Ситуация в романе Дж.М. Кутзее несколько иная: перед читателем разворачиваются гипотетические условия для написания романа «Бесы», обнажаются «механизмы» процесса творчества, которые искажают реальные события (смерть Павла, участника подпольной организации Нечаева, распространение революционных идей и т. д.) в художественном произведении («Бесах»).

В центре романа “The Master of Petersburg” – герой-художник, а окружающий мир и второстепенные персонажи служат лишь фоном, который позволяет раскрыть многогранную личность писателя. Повествовательный тип от третьего лица и прикрепление точки зрения к герою-Достоевскому воссоздают перед читателем сознание творческой личности, на которое влияют некоторые обстоятельства ее жизни. Принцип построения образа главного героя, по мнению русского филолога М. Бахтина, является ключевым в определении типологии жанра романа (роман странствий, роман испытаний, биографический роман, роман воспитания) [13, с. 188]. Поэтому исследование специфики образа главного героя и принципов его оформления способствует определению жанра произведения “The Master of Petersburg”.

Основные принципы построения образа главного героя в романе позволяют отнести произведение Дж.М. Кутзее к роману испытания, в котором герой сотворен готовым, а испытания не становятся для него формирующим опытом. Определенный принцип оформления героя, по словам М. Бахтина, связан с определенным типом сюжета, концепцией мира, хронотопом. Идея испытания в романе Дж.М. Кутзее наполнена специфическим смыслом: происходит испытание на «художественную гениальность и параллельно на жизненную пригодность художника» [14, с. 195], что указывает на такую жанровую разновидность романа испытания, как роман о художнике. Важными компонентами романа о художнике также являются мотив творения (герой-художник пишет роман) и рефлексия над произведением искусства. Однако интертекстуальная природа романа, чрезмерная рефлексия и саморефлексия текста, его специфическая модальность, обнажающая механизмы творческого процесса, позволяют определить «Художника Петербурга» как постмодернистский роман о художнике, который восходит к такому типу, как роман-испытание, а не к традиционному Bildungsroman (роману воспитания).

Образ Ф.М. Достоевского в романе максимально схож с реальной личностью: задумчивость, склонность к самоанализу, нервозность, страдание эпилепсией, страсть к азартным играм, милосердие, сомнение и вера в Бога, огромная трудоспособность – черты, действительно присущие характеру русского писателя. А. Кеба и Е. Струкова считают, что образ протагониста имеет четыре ипостаси, как и личность самого Ф.М. Достоевского, о которых говорил З. Фрейд в работе «Достоевский и отцеубийство»: художник, невротик, моралист и грешник. Безусловно, в романе можно отыскать проявление каждого из этих ликов, которые дополняют самую главную ипостась – ипостась художника, поскольку и невротические состояния (постоянные видения, сны, припадки), и совершенные грехи (связь с хозяйкой комнаты, вожделение к девочке), и попытки нравственного наставления Нечаева находят свое отражение в самом творчестве писателя.

Образ Ф.М. Достоевского в романе строится по такому же принципу, как и образы героев романов русского писателя. М. Бахтин утверждал, что «герой интересуется Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого,

как смысловая и оценивающая позиция», самоосознание становится «художественной доминантой построения героя» [14, с. 62–66], вследствие чего роман – это «слово героя о себе самом и своем мире» [14, с. 71], а предметом рефлексии героя является все, что окружает его, все оценки его личности со стороны. В романе Дж.М. Кутзее происходящее представляется через призму сознания героя-Достоевского, а повествование от третьего лица (нарратор в романе говорит «он» или «господин») явно соотнесено с точкой зрения протагониста, поскольку имя «Достоевский Федор Михайлович» возникает в речи других персонажей. Отличительной чертой романа о художнике как романа испытания является разработка такой категории времени, как психологическое время (по М. Бахтину), обладающее субъективной ощутимостью и длительностью. Поскольку в романе происходящее изображается сквозь призму сознания героя-художника, время способно сжиматься или расширяться (например, беседуя с Максимовым, герой настолько увлекается, что теряет счет времени: «Как много времени провел он <...> час? Больше?» [15, с. 63], а когда наступают припадки, для него больше ничего не существует, «его больше нет, времени больше нет» [15, с. 88] и т. д.). Все действия в произведении оцениваются с точки зрения героя-писателя: «веду себя как персонаж из книги», «если бы он был персонажем», «происходи это все в романе...» [15, с. 35, 36, 124], поэтому размышляя о событиях и предметах, он смотрит на мир глазами художника – мгновенно преобразовывая все происходящее в художественное произведение.

Подобно персонажам Ф.М. Достоевского герой-Достоевский – двойственный, «расколотый». И эта двойственность, как отмечает А. Кеба, представлена в двух вариантах: внутренняя «раздвоенность» героя (сам герой говорит: «Я расколот» [15, с. 180]) и наличие скрытой схожести между протагонистом и другими персонажами (с Максимовым, с Нечаевым). На наш взгляд, в романе «The Master of Petersburg» двойственность проявляется в соприкосновении противоположностей на нескольких уровнях: 1) идеологическом (взгляды героя-Достоевского и Нечаева); 2) эмоциональном и чувственном (например, чувства к Матрене: «Он ощущает прилив чувств противоположных <...> потребность защитить эту девочку и потребность наотмашь ударить ее...» [15, с. 30]);

3) нравственном (мысли о дозволенности). Двойственность, расщепленность героя позволяет ему сделать из самого глубокого чувства объект рефлексии, взглянуть на самого себя со стороны. Ситуацию у могилы пасынка, на которую он «падает ничком», герой воспринимает как «жидовский спектакль» [15, с. 14]; облачаясь в одежды Павла, герой-Достоевский «ощущает себя шутком» [15, с. 25]; в разговоре с Анной Сергеевной о Павле протагониста захлестывают эмоции и, дабы избежать проявления их, он насмехается над собой: «веду себя как персонаж из книги <...> но и насмешка над собой не помогает» [15, с. 35]. Таким образом, герой «отстраняется», смотрит на свои действия «со стороны», как будто не понимая их значения. Герой-Достоевский отстраняется не только от себя самого, но и от всего мира. В речи персонажей, как и во внутреннем монологе героя-Достоевского, мир ассоциируется с театром, а любые действия театрализируются, обретают черты фикциональности: «Нонче куда ни глянь, все сплошь трагедии. На трагедиях у нас теперь мир стоит» [15, с. 111], – заявляет бродяга Иванов; герой-Достоевский, беседуя с чухонкой, стоит перед ней «будто забывший реплику актер» [15, с. 123], после чего заявляет, что не желает принимать участия «в играх, в которые они играют» [15, с. 124]; в произведении Нечаев впервые появляется в женском платье, как ряженный актер, о чем размышляет протагонист: «...костюм выбран точно – не обычное платье, но одеяние, покров. Подражатель, притворщик...» [15, с. 132]. Важно отметить, что рефлексия героя носит характер театральности, искусственности, что обнажает процесс творчества: как реальность, преломленная в сознании писателя, становится художественным миром.

Внутренняя (психическая) «раздвоенность» героя-Достоевского, основанная на недовольстве самим собой (как отцом-неудачником, который не смог уберечь свое дитя от гибели), приводит к созданию психического двойника, соответствующей проекции внутренней расщепленности. Герой видит себя как незнакомца, как подделку: «...он сам в ванной комнате на Лерхенштрассе, подстригающий, глядя в зеркало, бороду <...> лицо поглощенного делом человека в зеркале кажется лицом незнакомца...» [15, с. 13–14]; «...ныне, глядя на себя в зеркало, он видит лишь убогий подлог, а за ним – нечто украдчивое, похабное, нечто такое, чему место за закрытыми дверьми...»

[15, с. 19]; «мельком он видит в зеркале туалетного столика себя <...> он мог бы принять себя за чужого...» [15, с. 300], после чего героя одолевает «чувство, что в комнате присутствует кто-то еще: если не полнокровный человек, то сколоченное из палок существо, пугало в старом кафтане...» [15, с. 300]. Под конец романа этот двойник, которого ранее герой видел в отражении зеркала, находится в комнате, где-то напротив: «...фигура, сидящая напротив <...> не вызывает в нем никаких ощущений...» [15, с. 302–303]. В моменты, когда протагонист осознает наличие своей иной, темной стороны, он погружается в некий мир: «... его охватывает чувство падения в бесконечную черноту» [15, с. 91]; частые приступы эпилепсии уводят героя-Достоевского в «мир неизменяемой тьмы», в котором «его больше нет, как нет больше времени» [15, с. 88]: «провалы в пустоту – словно смерч вырывает малый кусок его жизни, не оставляя даже воспоминаний о мраке, в котором он побывал» [15, с. 89]. Сознание героя будто трансgressирует, совершает акт эксцесса, преодолевающий предел возможного, чтобы «прикоснуться» к пасынку, слиться с ним. Герой-Достоевский подспудно стремится уберечь Павла от забвения, а себя от осознания того, что Павел умер: «В такие минуты он уже не отличает себя от Павла. Они сливаются в одного человека...» [15, с. 28], «он не умер, он здесь; я – это он» [15, с. 97]. «В какой-то мере он [герой-Достоевский] – Павел Исаев, хотя и называет себя другим именем» [15, с. 308]. В такие моменты героя-Достоевского захлестывают видения, опьянённый ими, он начинает писать: «Он сидит с пером в руке, удерживая себя от погружения в картины, которым нет места в этом мире <...> охваченный ощущением мига, в который все творение ложится, открытое, у его ног <...> он вскакивает, охваченный нетерпением <...> и начинает писать» [15, с. 307]. Можно предположить, что именно в моменты «выпадения из реального мира» в художника врывается творчество, обладающее дионисийскими силами, о которых говорил Ф. Ницше: «Дионисическое как художественные силы <...> в коих художественные позывы природы получают ближайшим образом и прямым путем свое удовлетворение: это, с одной стороны, мир сонных грез, совершенство которых не находится ни в какой зависимости от интеллектуального развития или художественного образования отдельного лица, а с

другой стороны – действительность опьянения, которая также нимало не обращает внимания на отдельного человека, а скорее стремится уничтожить индивид и освободить его мистическим ощущением единства» [16, с. 62–63]. На протяжении всего романа герой-Достоевский постоянно проваливается в сон, в сознании его часто возникают различные видения, после чего зачастую наступает припадок, а иногда герой не может отличить реальность от сна: «Мертвый поток тащит его мертвыми водами. Он засыпает. Просыпается в темноте <...> погружается в урывчатый сон» [15, с. 27], «...его посещает яснейшее из видений <...> уж теперь-то определенно будет припадок...» [15, с. 36], «это лишь сон, думает он, вот сейчас проснусь <...>, на миг он позволяет себе уверовать в это» [15, с. 91–92]. Такие провалы позволяют герою-Достоевскому не только ощутить единство с Павлом, но и проникнуться энергией творчества, принуждающей его писать.

Рецептивный мотив «бесовщины» в романе «The Master of Petersburg» приобретает двойственную природу и метафорически представляет не только «нечаевщину», но и творчество, а именно одержимость им. Протагонист заявляет следователю: «Нечаевщина – <...> это дух, и сам Нечаев <...> этим духом одержимый» [15, с. 56–57], а имя этого духа – Ваал. Некий бес вселяется и в героя-Достоевского, и он с ним всячески борется: ощущает ненависть ко всему живому, особенно к девочке, «которую он готов разорвать в куски за одну лишь кротость ее» [15, с. 22]; однако он приходит к выводу, что этот бес «не что иное, как собственная его душа, впустую бьющая крыльями» [15, с. 23]. Подавляя свои внутренние порывы, герой садится за письмо, опасаясь, что «написанное может оказаться творением безумца – отвратительным, непристойным, бешеным...» [15, с. 24]. Но, несмотря на все страхи писателя, герой-Достоевский будто одержим творчеством: «он думает о безумии, струящемся по жилам его правой руки, стекающем на бумагу с кончиков его пальцев, с пера. Безумие кроется в нем, он укрывается в безумии <...> Все сразу. Лес и бес. В подобном состоянии духа он сидит за столом...» [15, с. 299, 305]. Писатель осознает, что он охвачен бесом (творчеством), но он не может более ему сопротивляться. Искусство и сам процесс созидания в произведении отождествляется с бесом, поглощающим героя-Достоевского: «Он уже собой не

владеет. Размеренным движением он сдвигает перо...»; «Безумие льется ровным потоком, так что ему не приходится даже окунать перо в чернила...»; «...сам я следую за пером, пляшущим предо мною»; «и хоть он сидит за столом столь спокойно, он – человек, увлеченный смерчем» [15, с. 24, 300, 312]. Идея поглощения текстом автора присуща и другим романам Дж.М. Кутзее («Фо», «Элизабет Костелло») и связана с постструктуралистскими концепциями «смерти автора» (термин Р. Барта) и «смерти субъекта» (термин М. Фуко). Письмо становится неподвластным человеку и более могущественным, чем тот, кто пишет (теория «протописьма» Ж. Деррида).

Герой-Достоевский довольно часто погружается в рассуждения о творчестве, о произведениях искусства, о призвании писателя. Герой утверждает, что созидать писатель начинает под гнетом обстоятельств: «Не от избытка мы беремся за перо <...> но от нужды и от боли» [15, с. 194]. В диалогах с Нечаевым обсуждается роман самого Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Протагонист так определяет свое призвание: «Поэт, бряцатель на лире, заклинатель, вершитель воскрешения – вот в чем мое призвание» [15, с. 195]. Именно поэтому возле такого определения писательского ремесла упоминается образ Орфея, который исследователи (А. Кеба, Е. Струкова) связывают с главным героем, пытающимся с помощью творчества вернуть Павла к жизни. Однако данный образ может иметь и другие, не менее важные интерпретации. Орфей очаровывал своим искусством все вокруг, невольно заставляя слушать. Нечаев пытается склонить героя-Достоевского к написанию прокламаций, ибо верит, что народ последует «голосу» великого художника, описывающего в своих романах судьбы «униженных и оскорбленных». Для Нечаева герой-Достоевский – Орфей, который сможет заставить народ слушать, именно поэтому революционер хочет использовать имя писателя.

Источником вдохновения для творчества Орфея были земные страсти, его любовь и боль от потери возлюбленной. Земные страсти становятся источником вдохновения и для героя-Достоевского – любовь к своему пасынку и боль от его смерти. Также Дж.М. Кутзее изображает и другие страсти героя-художника, заставляющие его писать: вождение к девочке, которой он не может обладать в

действительности, порождает в воображении картины, вошедшие в его роман. С помощью искусства герой-Достоевский пытается преодолеть величайшую трагедию человека – одиночество. Герой борется с чувством одиночества, которое преследует его после смерти Павла: «Он пишет для себя. Пишет для вечности. Пишет для мертвого юноши» [15, с. 312]. В своем творении он не только пытается пробудить к жизни пасынка, он стремится увековечить себя во времени.

Двоемирие (мир живых и мир мертвых), носителем которого является Орфей, воплощается и в мире героя-Достоевского. Герой пишет текст «Квартира», сюжет которого, по его же словам, «посягает на невинность ребенка», чтобы призвать Бога к диалогу, чтобы тот заговорил с ним: «Это покушение на невинность ребенка <...>. Теперь Бог обязан заговорить <...> это состязание в коварстве между ним и Богом ведется вне пределов собственной личности, возможно, и вне пределов души...» [15, с. 316]. Творчество героя-Достоевского – это своеобразный диалог между миром земным (живых) и трансцендентным, недоступным для познания; оба мира сливаются в творчестве и преобразуются в нечто иное – вечную жизнь, жизнь вне смерти: «Время замерло, все замерло в ожидании падения». Однако цена, которую герою-Достоевскому пришлось заплатить за совершенное им, кажется ему непомерной, ведь «...взамен ему приходится отдавать свою душу» [15, с. 317].

Образ Орфея в романе «The Master of Petersburg» воссоздается под влиянием постструктуралистско-постмодернистского комплекса идей, поэтому Орфей символизирует силу искусства, способную преобразовать мир, однако этот мир (город) лишен гармонии. В романе Дж.М. Кутзее воссоздается образ Петербурга, который находит свое отражение в романах Ф.М. Достоевского («Бесы», «Преступление и наказание», «Бедные люди», «Братья Карамазовы» и т. д.), а герой-Достоевский представлен именно как творец этого города, способного подавлять человека. Изначально герой-Достоевский называл бесовщиной только «нечаевщину», но в ходе развития сюжета становится очевидным, что Петербург пробуждает внутренних бесов каждого: у Павла – чувство ненужности, которое толкнуло его на самоубийство, у Нечаева – идею народной расправы, у самого героя-Достоев-

ского – вождение к девочке. И эти три беса находят свое отражение в образе Ставрогина, которого творит герой-Достоевский в своих текстах «Квартира», «Девочка».

Выводы и предложения. Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам. Образ Ф.М. Достоевского воссоздается максимально близко к исторической личности писателя, который имеет 4 ипостаси (по З. Фрейду), из которых доминирующей является ипостась художника. Образ главного героя строится по таким же принципам, как и героев романов Ф.М. Достоевского, художественной доминантой которого становится самоосознание. В романе Дж.М. Кутзее сознание героя-Достоевского является своеобразной призмой, сквозь которую преломляются все происходящие события. Именно это сознание определяет специфику течения романного времени, которое психологизируется (психологическое время – отличительная черта романа испытания), обретает субъективную ощутимость и длительность. В основе построения образа главного героя заложен принцип отстранения, благодаря чему герой обретает двойственность, расщепленность, рефлексивность и саморефлексивность. Отстранение – это также процесс, происходящий в творческом сознании героя, в течение которого реальные события театрализируются и фикционализируются, границы между реальностью и искусством стираются, а процесс творчества обнажается.

Мотив бесовщины в романе Дж.М. Кутзее приобретает двойственную природу и метафорически представляет не только «нечаевщину», но и творчество. Писатель, охваченный творчеством, будто бесом, не может сопротивляться и следует «перу, пляшущему перед ним». Образ Орфея метафорически сливается с образом героя-Достоевского, за счет чего образ последнего становится многозначным, более полным.

Таким образом, основные принципы построения образа главного героя, которому соответствует определенный тип сюжета (испытание героя), изображаемый мир, служащий фоном для раскрытия многогранной личности писателя, специфическое время (психологическое) позволяют определить роман «The Master of Petersburg» как роман о художнике. Герой-художник встречается и в других романах Дж.М. Кутзее, что и открывает перспективы дальнейших исследований.

Список использованной литературы:

1. Беззубцев-Кондаков А. Двусмысленность пустыни. Про творчество Дж.М. Кутзее. Топос. 2009. URL: <http://www.topos.ru/article/6548>.
2. Frank J. Between Religion and Rationality: Essays in Russian Literature and Culture. Princeton, 2010. 312 p.
3. Kelly M. The Master of Petersburg. A Companion to the work of J. M. Coetzee; edited by Timothy J. Megihan. New York: Camden House, 2011. P. 133–147.
4. Poyner J. J.M. Coetzee and the Paradox of Postcolonial Authorship. Farnham, UK: Ashgate, 2009. 203 p.
5. Лагуновский А. Образ Федора Достоевского в повести Дж. М. Кутзее «Осень в Петербурге». URL: <http://lagunovskij.ucoz.ru>.
6. Кеба О. Роман Дж. М. Кутзі «Володар Петербурга» як фікційна біографія. Питання літературознавства. № 96. 2017. С. 71–93.
7. Пригодич В. «Бесчестье» «Осени в Петербурге», или «Безнравственное безволие». Лебедь. 2004. № 396. URL: <http://www.lebed.com/2004/art3927.htm>.
8. Струкова Е. Образ творческой личности в творчестве постколониальных писателей Дж.М. Кутзее и С. Рушди: дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья». М., 2016. 215 с.
9. Чашина А. Кутзее, писатель-космополит... NextGen.2009. URL: http://gazeta29.ru/nextgen/detail_articles/polka/index.php?ELEMENT_ID=1328.
10. Andreadis A. The Master of Petersburg. A novel by J.M. Coetzee. URL: <http://www.toseekoutnewlife.com/coetzee.html>.
11. Струкова Е. Образ творческой личности в произведениях англоязычных постколониальных писателей Дж.М. Кутзее и С. Рушди: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. М., 2016. 215 с.
12. Соболевська Г. «Російська тема» у романі Дж.М. Кутзее «Осінь у Петербурзі». Волинь філологічна: текст і контекст: збірка наукових праць. Луцьк: Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2011. Вип. 12. С. 212–218.
13. Храпцев Д. Роман Дж. М. Кутзее и Достоевский. Самиздат. 2009. URL: http://zhurnal.lib.ru/h/hramcew_d_w/6789944.shtml.
14. Бахтин М. К исторической типологии романа. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 188–198.
15. Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929. 416 с.
16. Кутзее Дж.М. Осень в Петербурге: роман; пер. с англ. С. Ильина. М.: Эксмо, 2010. 320 с.
17. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 57–157.

Пшенична М. С. Митець як персонаж у романі Дж.М. Кутзее “The Master of Petersburg”

У статті досліджується специфіка образу головного героя роману південноафриканського письменника Дж.М. Кутзее “The Master of Petersburg”. Розглядаються основні принципи побудови образу головного героя, які є визначним чинником у типологізації роману (за М. Бахтіним).

Ключові слова: герой-митець, двоїстість, творчість, роман випробувань, роман про митця.

Pshenychna M. S. An Artist as a Character in the novel “The Master of Petersburg” by J.M. Coetzee

The specificity of main character in the novel “The Master of Petersburg” by the South-African writer J.M. Coetzee is investigated in this article. The main principles of construction of the main character’s image, which determine the typologization of the novel (according to M.M. Bakhtin), are examined.

Key words: character, artist, duality, creation, novel of trial, novel about an artist.